

ваемых» я написал про гейш и потому, что они сами зовут себя не гейшами, а всего лишь «гейко», и потому что восемь лет назад, в Киото, мне удалось посетить заметно более настоящий ресторанчик с куда более настоящими гейшами и их ученицами (кандидатками в гейши) — майко. Впрочем, и те, и другие, хоть и носят традиционные кимоно и парики и белят лицо и плечи, зубы в черный цвет — как должно! — уже не красят. Не исключено, что где-нибудь совсем в глубине Японии найдется местечко, где еще красят.

Киото — то же очень бо льшой город, но там куда меньше бурлит бизнес-жизнь и, наверное, поэтому — куда больше — к ультурная. Киото — это такой японский Питер: то же бывшая столица, то же расчерченная на квадраты прямыми линиями улиц, тоже с бывшим императорским дворцом. Но там, все-таки, можно увидеть больше, что называется, с таро-японского, да и окружен Киото знаменитыми достопримечательностями: единственным в мире синтоистским храмом с гуляющими по

его территории оленями, с Золотой пагодой и садом камней... Но еще, пожалуй, больше — в еще более глубокой и менее знаменитой провинции: в городке Мацумото, известном на весь мир своим самурайским замком ом, одним (говорят — самым красивым) из четырех, оставшихся от японских средних веков, соответствующих нашим Ивану Грозному да Борису Годунову.

Кроме замка, мне повезло побывать в Мацумото и в богатом японском доме, сохранившем свой вид и с трой вот уж как минимум лет двести: это такое малюсенькое частное предприятие по производству твужа. Даже гостиница в Мацумото предназначена для японцев: номера без мебели, с постелями, расстилаемыми прямо на татами по вечерам, — правда, в порядке, скажем, вежливости по отношению к изредка залетающим сюда европейцам, в малюсеньком эркере стоят столик и два кресла на ножках. (Интересное наблюдение: восемь лет назад, в мое первое посещение, когда я жил в той же самой гостинице, этих «ножек» еще не было вовсе.) И, конечно, еда! Ра-